

мы жили с ней, где прошли мои детство и отрочество, где моих детских горестей и радостей мне хватило потом на долгие киноленты памяти.

Бабушка ложится засветло и засыпает под телевизор. Не страшно спать, пока на улице не стемнело. Пока не стемнело, с тобой ничего не случится. Боженька бодрствует — не допустит.

Бабушка просыпается среди ночи и больше не ложится. Умереть во сне страшно.

А пока суетишься на кухне, месишь тесто, протираешь пол или сидишь себе в очках, гречку перебираешь — что тебе станется? А нам бы лечь попозже да поспать подольше. У нас другое время, у нас смерти нет.

Бабушка запивает холодным чаем таблетку и минутку сидит тихонько, прислушиваясь.

— От чего таблетка, бабушка?

— А от всего, деточка.

— А как называется?

— Да кто ж его знает.

— Помогает, бабушка?

— Помогает, как не помочь!

Время бежит быстро, время расставляет метки и стирает ненужное.

Летом бабушка начинает готовиться к Рождеству, зимой уже думает о предстоящей Пасхе. Теперь в жизни только два чуда и есть — «Родился» и «Воскрес»!

Родился и воскрес, родился и воскрес... И нет места для смерти.

Поить внуков молоком с мёдом, сушить мокрые варежки, пришивать пуговицы на пальтишках.

Ещё ничего не знать, но уже обо всём догадываться.

Смотреть на медленный снег за окном... пока под языком тает таблетка.

Ёлка, Сочельник, метель метёт...

Снега на улице — горы!

Девочка смотрит в окно и ждёт.

Мама повесила шторы,

Мама намазала кремом коржи —

нет ничего вкуснее,

Мама решила иначе жить —

утро опять мудренее.

Девочка ждёт, кулачки зажав.

Мама молчит подолгу.

Папа придет, он обещал...

Взрослые врать не могут.

Как на верхушке горит звезда,

как мандарины пахнут!

Платье у девочки — красота!

Папа увидит — ахнет!

Ёлка, сочельник, блестят огни,

медленно время тает.

Девочки в детстве совсем одни,

просто никто не знает...

Ночь за окном, не видать ни зги.

Слёзы к утру высыхают.

Спят в своих комнатах девочки —

маленькая и большая.

Каждый раз, пока время тщательно подбирает нас по тональности, как созвучные ноты, пока примеряет друг к другу в попытке идеальной рифмы, кто-то делает закладку внутри книги, кто-то запоминает последнюю фразу, кто-то останавливает часы...

Пространство расходится кругами, и колесо вращается вхолостую. Там, где мы, наконец, совпадаем, где находимся в фазе идеальных отношений, главное — не делать резких движений, не пытаться вырваться из настоящего момента. Ни впереди, ни позади нас дороги нет. Ни одно сердце не способно биться в прошлом или будущем. У него всегда есть только один удар. Сейчас.

Хочется остановить время, но оно и без того стоит на месте. Ждёт, когда мы сами пройдем сквозь него...

Глупые мы люди.
Я вижу облако и говорю себе: «Смотри, облако!»

Я вижу птицу и говорю себе: «Смотри, птица!»

Меня переполняют трепет и восторг, словно вижу всё в первый раз.

Меня переполняют печаль и нежность, словно вижу всё в последний...

Сердце во мне парит, как в невесомости. Внутри гулко, будто в чреве большого колокола. Однажды придёт звонарь, и каждый из нас вдруг зазвучит особым протяжным звоном. И тогда время сбивается с места. И поплывёт нам навстречу...

Когда я снова с конгуром сольюсь,
Когда мне будет нечего терять,
Я из картины выпадю опять
И тем спасусь...

Когда меня вкопают в этот свод,
Где лишь глазами трогать облака,
Я распадусь на буквы языка,
И плоть стечёт...

Анна ГОЛУБОВСКАЯ "Город Антонеску"

Вот уже несколько ночей я не могу оторваться от Книги, точнее, двухтомника, одной из самых страшных книг, что я держала когда-то в руках. Наверное, самой страшной.

Яков Верховский и Валентина Тырмос. "Город Антонеску" — книга об оккупации Одессы, об уничтожении евреев.

Авторы, чудом выжившие дети, всю жизнь собирали документы, работали в Яд-Вашеме и других архивах, искали свидетелей.

По дням.

По часам.

По именам.

Вроде бы я многое знала, читала...

Читать невыносимо. Не читать — невозможно.

Многого я не понимала, даже зная факты. Например, все знают, что на взрыв сигуранцы на Маразлиевской фашисты ответили тысячами и тысячами повешенных евреев на деревьях по всей Одессе, сожженных в пороховых складах и убитых в Дальнике. Но до взрыва в Одессе был взрыв Крещатика и Бабий Яр, и для Сталина, для верхушки была предсказуема и очевидна такая реакция фашистов.

Но на это было плевать.

Никакой эвакуации, никаких попыток обезопасить своих сограждан.

Для меня очень давно между сталинизмом и фашизмом стоит знак равенства, но, думаю, эта книга убедит любого.

А самое страшное — даже не описания нечеловеческих мук и пыток, страшнее всего — бесчеловечная статистика.

И сегодня нет точных чисел. Десятки тысяч сожженных, десятки — убитых в Дальнике и Богдановке.

Если до войны евреи составляли до половины городского населения, то в оккупацию, после первого колоссального уничтожения в гетто, из двухсот тысяч горожан в гетто, лагерях смерти еще оставалось около сорока тысяч евреев.

Михаил ТАЛАЛАЙ Антифашисты

В Италии прославилась — как тонкая писательница — Наталия Гинзбург. От мужа-одессита она получила фамилию «идиш», а вот имя, как ни странно, у нее «родом» итальянское, ибо Наталия родилась в Ливорно, училась в Турине, где и познакомилась с молодым гениальным филологом, сбжавшим от бедствий Гражданской войны на Родине (если точнее — то его мальчиком увезли из Одессы родители).

Центральный роман Наталии Гинзбург, «Семейные беседы» («Lessico familiare»; дословно: «Семейный лексикон»), вышел в переводе на русский язык в 1989 году. В настоящее время книга признана итальянской классикой: о ней пишут исследования и диссертации. По сути дела, это традиционная семейная хроника, но написанная уже в русле новейшей беллетристики. Когда появился роман Гинзбург, Италия вышла из послевоенного кризиса и с облегчением прощалась со своим муссолиниевским прошлым: о жизни антифашистов при фашистах и рассказывает преимущественно книга Гинзбург — в легкой и выразительной форме семейных историй. Один из главных героев, естественно, супруг писательницы, Лев Федорович Гинзбург (1909 — 1944): его образ по праву занимает многие и многие страницы.

Лев Гинзбург — дважды герой.

Попав в Италию (после нескольких берлинских лет), подвижимый созидательной ностальгией, он берется за переводы отечественной классики — Пушкина, Толстого, Гоголя. Эти блестящие переводы не утратили своей свежести и значимости и теперь. Окончив университет в Турине и будучи принятым доцентом на филфак, он успевает прочитать своим студентам лишь один-единственный курс. Вскоре от него потребуют присягнуть фашистскому режиму, что сделают все его коллеги...

Тут начинается вторая героическая стезя: Лев (которого теперь зовут Леоне) категорически отказывается от присяги Муссолини. Его изгоняют из университета. Начинаются преследования, аресты, ссылки, подпольная борьба, которая завершилась гибелью под пытками в застенках гестапо в Риме — весной 1944 года, накануне освобождения итальянской столицы войсками союзников.

Удивительно, но в московском издании

Кому-то удалось вырваться, бежать. И тут — самое болезненное для меня.

Сдавали.

Сдавали!

В Одессе во время оккупации.

Фотография из собрания Интернет-проекта "Старая Одесса в фотографиях": old.odessa.ua

А если не сдавали — молчали, отворачивались, не замечали.

И весь миф о нашем толерантном ко всем нациям городе для меня рассыпается...

В Прохоровском сквере — около пятидесяти березок Праведникам мира.

Хорошо, пусть мы знаем не всех, кто помогал, скрывал, рискуя жизнью.

Пусть их было вдвое, втрое больше!

Это всего 150 человек, даже не один процент, 0,01 процента на город...

Словом... вот о чем я думаю сегодня.

ознакомившись с русской школой формализма (Шкловский и другие). Об этом рассказала профессор Стефания Сини из университета Восточного Пьемонта.

Волнующим оказалось для докладчиков представление Льва и Наталию Гинзбургов перед их сыном.

Отправным пунктом для реконструкции их жизненного и творческого пути для многих послужили воспоминания сестры Льва, Марии, которую все в Италии звали уменьшительным именем — Маруся. Именно как Marussia Ginzburg она и выпустила в свет книгу под названием «Из Одессы в Турин» («Da Odessa a Torino»). Марии Федоровне удалось пережить мрачную фашистскую эпоху, а после Второй мировой войны она стала известна в Турине как прекрасная преподавательница русского языка.

Знаменательно, что писательницей стала и внучка Льва и Наталии Гинзбург, дочь историка Карло, Лиза — ее первый роман, 2002 года, имеет своим титулом цитату из Ахматовой «Она грозы желала» («Desiderava la bufera»), а своим героем — римского преподавателя русской литературы, поклонника Чехова.

Автору этих строк досталась на семинаре интересная задача — представить семейную историю Гинзбургов, но не Льва и Наталии, а родителей Льва — Федора и Веры.

Федор Николаевич родился в Литве, много торговал с Германией, через Петербург, где и познакомился с Верой Семеновной Грилихес. Молодая пара переехала из российской столицы в Одессу, где у Федора бурно развивался бизнес: как пишет его дочь Маруся, он приобрел немецкий патент на производство пластиковых рыбачьих сетей и продавал их по всему северному Черноморью. Если Федор успешно занимался бизнесом, то Вера реализовала свой общественный темперамент: она особенно уделяла внимание дошкольному образованию, на посту зампреда общества дошкольного воспитания еврейских детей внедряла в Одессе передовую систему итальянского педагога Марио Монтессори. Надо сказать, что Гинзбурги хорошо знали и любили Италию, часто ездили туда отдыхать.

Разбогатец, Федор Николаевич купил красивый дом на улице Жуковского, 36, сохранившийся донныне. Именно там и родился будущий герой Лев, он же Леоне.

Будем надеяться, что когда-нибудь на его стенах появится мемориальная доска следующего содержания: «В этом доме родился и провел первые годы литературовед Лев Гинзбург (1909 — 1944), герой итальянского Сопротивления».

Милан.